

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

Баталова М.Р.

ПРИЗНАНИЕ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹

Аннотация: Статья посвящена проблемам признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений в Турецкой Республике. Данная проблема сохраняет свою актуальность, несмотря на проведенную в этой стране в 2007 г. кодификацию международного частного права. Безусловно, в настоящее время ввиду развития международных связей и торгового оборота турецкие суды все чаще сталкиваются с необходимостью признавать и приводить в исполнение иностранные судебные решения, формируя соответствующую судебную практику. Однако проведенный анализ показывает ее непоследовательность. Причиной данного явления служит, по всей видимости, недостаток опыта турецких судов. Обобщение существующей на сегодняшний день судебной практики вышестоящих судебных инстанций с указанием их правовой позиции и анализом применения иностранного права турецкими судами позволило бы унифицировать последующую судебную практику и снизить риски судебных ошибок. По итогам исследования сделан вывод, что формализм турецких судов, отсутствие четких ориентиров и руководящих разъяснений со стороны вышестоящих судебных инстанций не позволяют турецкому правоприменителю унифицировать судебную практику по указанному вопросу.

Review: The article is devoted to the problems of recognition and compulsory enforcement of the foreign judicial decisions in the Republic of Turkey. This problem remain topical in spite of the codification of international private law, which took place in Turkey in 2007. It is undoubted, that due to the development of international connection and trade turnover, the Turkish courts need to recognize and enforce foreign judicial decisions more and more often, so they form certain judicial practice on this issue. However, the study shows, that this practice has been inconsistent, which is probably due to the lack of experience of the Turkish courts. The analysis of the current judicial practice of the higher judicial instances with references to their legal positions and analysis of application of the foreign law by the Turkish courts would allow to make further judicial practice more unified and lower the risk of judicial errors. As a result of the studies, the author draws a conclusion that the formal approach of the Turkish courts, lack of clear reference points and guidelines of the higher judicial bodies preclude the Turkish legal practitioners from unifying judicial practice on this issue.

Ключевые слова: международное частное право, международный гражданский процесс, Турецкая Республика, признание иностранных решений, принудительное исполнение, кодификация, коллизионные нормы, применимое право, установление норм права, нарушение публичного порядка

Keywords: international private law, international civil process, the Republic of Turkey, recognition of judicial decisions, compulsory enforcement, codification, conflict of laws norms, applicable law, establishing legal norms, public order violations.

В течение XX-го столетия нормы международного частного права (далее – МЧП) во многих странах были подвергнуты всеобъемлющей кодификации. Стремление государств иметь единый акт, который бы содержал основные правовые предписания в сфере МЧП, формиру-

ет современную тенденцию в развитии данной отрасли права. Подобная тенденция выражается в неизбежном обособлении МЧП как отрасли права и отрасли законодательства².

Пример Турецкой Республики в данной области является исключительно интересным ввиду того, что в

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Кодификационные и унификационные процессы в международном частном праве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году, грант № 12-05-0020.

² Гетьман-Павлова И.В., Крутий Е.А. Автономные национальные кодификации международного частного права в XXI веке // Адвокат. 2010. № 4. С. 49.

этой стране были осуществлены уже две весьма успешные систематизации норм МЧП. В 1982 г. был принят Закон о международном частном праве (далее – Закон 1982 г.)³. Этот Закон действовал с 20 ноября 1982 г. по 12 декабря 2007 г. и представлял собой первый законодательный акт кодификации МЧП в Турции.

Закон 1982 г. – это акт комплексной систематизации, т.е. единый нормативный акт, объединяющий нормы МЧП и нормы международного гражданского процесса (далее – МГП). Закон 1982 г. представлял собой «компактный» законодательный акт, который регулировал прежде всего самые фундаментальные институты и проблемы МЧП.

Однако за время действия Закона 1982 г. и в характере регулируемых правоотношений, и в правовой системе произошли серьезные изменения. Были внесены существенные поправки в гражданское, корпоративное, конкурентное, транспортное и страховое законодательство Турции, которые затронули и регулирование отношений в сфере МЧП/МГП. В результате в Турецкой Республике начался процесс «европеизации» права, который проявился в интенсивных исследованиях, нацеленных на создание «европеизированного частного права»⁴. По мнению турецких исследователей, процесс адаптации турецкого права к международным стандартам идет непрерывно⁵.

Турецкий кодекс международного частного права и международного гражданского процесса (далее – Кодекс 2007 г.)⁶, который был принят в 2007 г. и заменил Закон 1982 г., представляет собой новую ступень систематизации МЧП Турецкой Республики. Кодекс 2007 г. – это комплексная автономная кодификация МЧП/МГП, т.е. специальный кодификационный акт, охватывающий вопросы определения компетентного права, применимого к гражданским, семейным, трудовым и иным частноправовым отношениям, проблематику международного гражданского процесса и коммерческого арбитража⁷. Следует отметить, что основным достижением Кодекса 2007 г. стало включение в него коллизионных правил, соответствующих самым современным доктринальным подходам.

³ Statut 2675 // Resmi Gazete. 22.06.1982. № 17701.

⁴ Tekinalp Guloren, Nomer Ergin, Boztosun Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International, 2012. P. 57.

⁵ Ansary T. Wallace D. Introduction to Turkish law. 6th Edition. Kluwer Law International, 2011. P. 27.

⁶ Statut 5718 // Resmi Gazete. 12.12.2007. № 26728.

⁷ Зыкин И.С. Развитие международного частного права в свете принятия части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2002. № 12. С. 55.

Кодекс является достаточно подробным и в то же время лаконичным по структуре и содержанию. Он состоит из 66 статей, разбитых на три части⁸. Первая часть Кодекса 2007 г. включает две главы. Глава I содержит восемь статей, посвященных регулированию общих вопросов МЧП: правила применения иностранного права (ст. 2), оговорка о публичном порядке (ст. 5), оговорка о преимущественном значении императивных норм турецкого права (ст. 6), коллизионные нормы о форме правовых сделок (ст. 7). Глава II содержит коллизионное регулирование широкого спектра разнообразных правоотношений – семейно-брачных, наследственных, вещно-правовых, транспортных, контрактных, деликтных.

Вторая часть Кодекса 2007 г. закрепляет нормы, регулирующие МГП, и также состоит из двух глав. Глава I части второй раскрывает вопросы международной юрисдикции турецких судебных органов. Глава II фиксирует положения, касающиеся исполнения и признания решений иностранных судов и арбитражей, в частности, проблемы исполнения судебного решения (ст. 50), вопросы юрисдикции и места рассмотрения дела (ст. 51), требования о принудительном исполнении (ст. 52) и признании решения (ст. 58).

Третья часть Кодекса 2007 г. состоит всего из трех статей, касающихся заключительных и переходных положений.

Как справедливо утверждает Нешатаева Т.Н., «основной тенденцией современной мировой экономики является углубление международного разделения труда и, как следствие, интенсификация обменов товарами и услугами между производителями и потребителями из различных стран»⁹. Безусловно, расширение потоков товаров и иностранных инвестиций, а также масштабов трансграничных коммуникационных и информационных контактов ставят перед правом новые задачи, решение которых в национальном масштабе не представляется возможным. Однако помимо необходимости правового регулирования материально-правовых отношений существует необходимость регулирования вопросов сотрудничества государств в сфере гражданской юрисдикции, поскольку вместе с углублением международной интеграции учащаются случаи споров, содержащих иностранный элемент. Нельзя не согласиться с мнением Н.Ю. Ерпылевой, что активизация внешнеэкономической деятельности «пред-

⁸ Турецкий кодекс 2007 г. «О международном частном праве и международном гражданском процессе» (Закон № 5718, принят 27 ноября 2007 г.) // Журнал международного частного права. 2009. № 3(65).

⁹ Нешатаева Т.Н. Международные коммерческие сделки: правовое регулирование и судебная практика // Арбитражная практика. 2002. № 5 // СПС Консультант Плюс.

приятый и предпринимателей предопределила усиление роли и значения судебных органов при разрешении международных коммерческих споров»¹⁰.

Активизация международных связей проявляется не только в сфере внешнеэкономической деятельности, но и также и в иных сферах отношений. В частности, речь идет о международном семейном праве. Браки между лицами, которые имеют разные гражданство или постоянное место жительства, регулируются различным законодательством, ввиду чего потенциально могут возникать коллизии законов, в частности, при рассмотрении споров в судах.

Как уже было отмечено, почти половина всех норм Кодекса 2007 г. (ст. 40–63) посвящена вопросам МГП. О важности норм МГП в турецком МЧП, а также комплексности проведенной турецким законодателем кодификации свидетельствует само официальное название Кодекса 2007 г. – «Турецкий кодекс о международном частном праве и международном гражданском процессе». Однако Кодекс 2007 г. не содержит существенных изменений в области МГП и в значительной степени воспроизводит многие положения Закона 1982 г. В то же время Кодекс устанавливает более детальное регулирование и закрепляет некоторые новые подходы к МГП, выработанные доктриной и практикой. Это свидетельствует о том, что Турция все же движется в направлении создания эффективной правовой защиты и интеграции с наиболее развитыми государствами на уровне европейских стандартов. Повышение правовой определенности для иностранных участников при рассмотрении споров с иностранным элементом в Турецкой Республике позволяет надеяться и на получение должной защиты для турецких лиц за границей.

В частности, интересно было бы рассмотреть нормы главы второй Кодекса 2007 г., которые регулируют процедуру признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений.

Как подчеркивает турецкий исследователь А. Чаньяш, уважение мнения других государств и выполнение требований, содержащихся в их решениях, в высшей степени служат общим интересам международного сообщества¹¹. Однако признание иностранных судебных решений в качестве окончательного свидетельства (конечного решения) подлежит подтверждению турецким судом. Ино-

странное судебное решение не имеет в Турции правовой силы и получает ее лишь постольку, поскольку процессуальное законодательство Турецкой Республики допускает признание и исполнение такого судебного решения.

Чтобы получить признание и в целях дальнейшего его исполнения, иностранное судебное решение должно отвечать предъявляемым требованиям. А. Чаньяш выделяет следующие «предпосылки» признания иностранного судебного решения, т.е. предварительные условия, которые должны быть соблюдены до непосредственного установления основных условий для признания иностранных судебных решений.

Во-первых, признание и исполнение решения иностранного суда происходит только в случае, если иностранное решение вынесено именно судом. Таким образом, турецкий законодатель ограничивает сферу применения главы о принудительном признании и исполнении, в отличие, к примеру, от решения болгарского законодателя, который распространяет процедуру признания и исполнения не только на иностранные судебные решения, но и на акты иных компетентных органов другого государства (ст. 117 Кодекса МЧП Болгарии). Решение турецкого законодателя использовать подобное узкое толкование приводит к тому, что некоторые виды решений по правовым вопросам, например, решение о разводе, вынесенное иностранным муниципалитетом или административным органом, не может быть обеспечено в рамках Кодекса 2007 г. Определение того, может ли быть квалифицирован орган, который вынес решение, в качестве суда, относится к компетенции закона страны, где было вынесено такое решение.

Во-вторых, признаваемое решение не должно быть вынесено по вопросам уголовного права, в противном случае исполнение отвергается.

В-третьих, решение должно быть окончательным в соответствии с законом суда, вынесшего решение. А. Чаньяш отмечает, что с точки зрения турецкого права окончательность судебного решения по существу означает, что дело не может быть возбуждено той же стороной по тому же предмету и основанию. Окончателюность в процедуре означает, что процедура по данному разбирательству как в первой, так и в апелляционных инстанциях является исчерпанной¹². Аналогичного мнения придерживается Г. Текиналп, указывая на невозможность признания и исполнения иностран-

¹⁰ Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учебник. М., 2011.

¹¹ *Canyaş Asli Bayata. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. Vol. 2. № 17. P. 118.*

¹² *Canyaş Asli Bayata. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. Vol. 2 № 17.*

ных решений о наложении ареста на имущество и иных обеспечительных мер именно по причине, что указанные решения не обладают признаком окончательности и носят временный характер. Аналогично не могут быть признаны и иностранные решения по вопросу банкротства, так как данные решения не разрешают спор между сторонами по существу и не обладают признаком окончательности¹³.

Кроме того, А. Чаньяш указывает, что для признания и исполнения иностранного решения не существует требований, согласно которым одна или несколько сторон по делу должны иметь турецкое гражданство. Единственным требованием для сторон является то, что они должны иметь правовой интерес в признании и / или исполнении решения иностранного суда¹⁴. В качестве заявителя может выступать любое лицо, которое имеет правовой интерес в принудительном исполнении судебного решения. Аналогичное мнение было высказано Высшим кассационным судом Турецкой Республики (Яргытай) при рассмотрении дела о признании решения немецкого суда¹⁵.

Принудительное признание и исполнение в Турции судебных решений, вынесенных по гражданским делам иностранными судами и являющихся окончательными по праву места рассмотрения дела, осуществляется по решению компетентного турецкого суда. Таким образом, окончательное решение турецкого суда о признании и принудительном исполнении иностранных судебных решений, которое вступило в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено, т.е. обладает статусом *res judicata*. Турецкие исследователи также подтверждают, что иностранное судебное решение не может быть пересмотрено «ни по существу, ни по процедуре»¹⁶. Предметом рассмотрения дела о принудительном исполнении является «последнее слово», заключенное в решении иностранного суда, т.е. правовое последствие, которое было достигнуто в результате иностранного судебного производства¹⁷.

Решение о принудительном исполнении может также запрашиваться в отношении положений, относящих-

ся к личным правам, которые содержатся в уголовном приговоре иностранного суда (ст. 50). Компетентными судами по рассмотрению споров о принудительном исполнении являются суды первой инстанции (ст. 51):

- по месту постоянного проживания в Турции лица, в отношении которого требуется принудительное исполнение;
- по месту обычного проживания, если место постоянного проживания отсутствует;
- Анкары, Стамбула или Измира, если место постоянного или обычного проживания в Турции отсутствует.

Принудительное исполнение может быть истребовано путем подачи ходатайства, в котором должны быть указаны (ст. 52):

- имя, фамилия и адрес лица, требующего принудительное исполнение, противоположной стороны и, если имеется, юридического представителя;
- название государства, в котором было вынесено решение, требующее принудительного исполнения, название суда, дату, номер и краткое содержание решения;
- указание на соответствующую часть решения, если испрашивается частичное принудительное исполнение.

К ходатайству о принудительном исполнении должны быть приложены следующие документы (ст. 53):

- оригинальный текст решения, надлежаще заверенного властями соответствующей страны, или копия решения, заверенная судебным органом, который вынес это решение, и его заверенный перевод;
- заявление или надлежаще заверенный властями этой страны документ, свидетельствующий о том, что решение является окончательным, и его заверенный перевод;
- количество копий ходатайства, равное количеству противоположных сторон.

Пункт 1 статьи 54 Кодекса 2007 г. закрепляет условия для принудительного исполнения иностранного судебного решения. Компетентный турецкий суд выносит решение о принудительном исполнении судебного решения при соблюдении следующих условий:

а) существует соглашение, основанное на взаимности, между Турецкой Республикой и государством, в котором было вынесено судебное решение, положения закона или практика, позволяющие принудительно исполнять судебные решения, вынесенные турецкими судами, в этом государстве.

Из текста пп. «а» п. 1 ст. 54 вытекает, что для признания и принудительного исполнения иностранных решений важно не столько наличие международного

¹³ Tekinalp, Guloren. *Nomer, Ergin. Boztosun, Ayshe Odman*. Private international law in Turkey. Kluwer Law International. 2012. P. 210.

¹⁴ *Canyaş Asli Bayata*. Указ. соч.

¹⁵ HD 2E. 2007/20375, К. 2008/4214, 27.3.2008.

¹⁶ *Nomer E. & Şanlı C.* Devletler Hususi Hukuku [Private International Law]. Istanbul: Beta. 2010. S. 480.

¹⁷ *Nomer E.* Rızai Boşanma ve Kamu Düzeni [Divorce by Mutual Agreement and Public Policy]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1984. S. 94-98.

договора, сколько соблюдение принципа взаимности. Взаимность должна быть основана на национальном законодательстве или практике иностранного государства, признающего и исполняющего решения турецких судов.

Взаимность между турецким государством и государством, суд которого вынес решение, может быть обеспечена положениями международных конвенций, нормами турецкого закона либо применением *de facto*.

Турецкая доктрина признает, что если по вопросу признания и исполнения решений иностранных судов действует международная конвенция, то условия признания и исполнения определяются в контексте данной конвенции. Если положения конвенции являются более «жесткими», чем условия Кодекса 2007 г., то будут применяться нормы Кодекса 2007 г. Таким образом, наличие конвенции не препятствует применению положений Кодекса 2007 г., когда условия последнего являются более «гибкими» и в большей мере способствуют признанию и исполнению иностранных судебных решений¹⁸. Среди конвенций, содержащих нормы по вопросу признания и исполнения решений иностранных судов, участницей которых является Турецкая Республика, следует отметить следующие:

- Гагская конвенция от 15 апреля 1958 г. о признании и исполнении решений по делам об алиментных обязательствах в отношении детей¹⁹;
- Гагская Конвенция о признании и приведении в исполнение решений, относящихся к алиментным обязательствам от 2 октября 1973 г.²⁰;
- Конвенция о признании решений относительно супружеской связи от 8 сентября 1967 г. (г. Люксембург)²¹;
- Европейская конвенция о признании и исполнении решений в области опеки над детьми и восстановления опеки над детьми от 20 мая 1980 г. (г. Люксембург)²².

Если подобной конвенции не существует, то следует руководствоваться принципом взаимности и искать соответствующие национальные правовые положения. Наличие взаимности, в конечном счете, устанавливается су-

дней по его собственной инициативе. У сторон отсутствует обязанность по установлению взаимности. Стоит отметить, что согласно турецкому праву взаимность требуется только для процедуры исполнения, но не признания.

Что касается признания и исполнения решений иностранных судов на основании двусторонних соглашений, на сегодняшний день Турецкая Республика подписала такие соглашения со многими иностранными государствами (Албания, Алжир, Австрия, Азербайджан, Хорватия, Египет, Грузия, Ирак, Италия, Казахстан, Кувейт, Македония, Молдова, Китайская Народная Республика, Польша, Румыния, Таджикистан, Тунис, Турецкая Республика Северного Кипра, Узбекистан).

Примером исполнения решения иностранного суда на основании двустороннего международного соглашения может служить следующее решение: в турецком суде испрашивалось исполнение решения суда г. Ташкент (Узбекская Республика). Несмотря на ходатайство ответчика об отказе в исполнении, данное решение было исполнено, поскольку между Турцией и Узбекистаном 7 ноября 1997 г. было заключено Соглашение о правовой помощи по правовым и торговым вопросам, в котором предусмотрена возможность взаимного исполнения судебных решений²³.

15.12.1997 г. в г. Анкаре был подписан Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой «О взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам»²⁴. Однако данный договор не был опубликован и на настоящий момент не вступил в силу.

Глава 5 данного Договора посвящена вопросам признания и исполнения решений по гражданским и торговым делам. В соответствии со ст. 19 стороны договорились признавать и исполнять на своей территории судебные решения по гражданским, уголовным делам в части возмещения ущерба, а также должным образом утвержденные арбитражные решения. Под решениями в Договоре понимаются судебные и окончательные арбитражные решения по гражданским и торговым делам, вынесенные после вступления в силу договора.

Часть 3 статьи 19 Договора предусматривает возможность признания решений, касающихся личного статуса, и в том случае, когда они вынесены до всту-

¹⁸ Şanlı C. Türk Hukukunda Çocukların Velayetine ve Korunmasına İlişkin Yabancı Mahkeme Kararlarının Tanınması ve Tenfizi [Recognition and Enforcement of Foreign Child Custody and Protection Judgments under Turkish Law]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1996. S. 71-82.

¹⁹ O.G. № 14418, 11.01.1973.

²⁰ O.G. № 17961, 16.02.1983.

²¹ O.G. № 15356, 14.09.1975.

²² O.G. № 23864, 02.11.1999.

²³ Kadıkoy 4. Asliye Ticaret Mahkemesi, E. 2007/1020, K. 2008/386, T. 17.06.2008.

²⁴ Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам от 15.12.1997, г. Анкара // СПС «Консультант Плюс».

пления в силу Договора. Ввиду этого представляется, что на сегодняшний день между нашими странами существует возможность взаимного признания решений только по вопросам личного статуса граждан на весьма неординарном основании – не вступившем в законную силу неопубликованном международном договоре.

Что касается применения *de facto* принципа взаимности, то следует отметить интересное судебное решение, в котором Высшим кассационным судом было указано, что, так как суд первой инстанции тщательно не исследовал вопрос, существуют ли какие-либо правовые положения или устойчивая фактическая практика в отношении исполнения решений турецких судов в Северной Каролине (США), то решение суда первой инстанции должно быть отменено²⁵.

В другом случае речь шла об истребовании исполнения решения сирийского суда на территории Турецкой Республики. Суд обратился с запросом в Министерство Юстиции Турецкой Республики (Дирекцию международного права и внешних связей), которое подтвердило, что между Сирией и Турцией отсутствует двустороннее соглашение по вопросам исполнения судебных решений, однако Гражданский кодекс Сирии позволяет исполнять решения судов иностранных государств. Опираясь на данные нормы права, сирийские суды не раз приводили в исполнение решения турецких судов, что свидетельствует о возможности исполнения решения сирийского суда в Турецкой Республике на основании принципа взаимности. Суд также сослался на мнение профессора А. Челикель, которая подтверждает возможность исполнения решения иностранного суда даже при отсутствии международных договоров по данному вопросу²⁶.

б) судебное решение вынесено по вопросу, который не находится в сфере исключительной юрисдикции турецких судов или не вынесено судом, утратившим свою юрисдикцию.

Данное условие предполагает, что в определенных случаях турецкие суды имеют исключительные полномочия по рассмотрению спора по существу и в таких случаях единственным компетентным судом будет именно турецкий суд. Как уже было указано, в Кодексе 2007 г. не перечислены случаи, когда турецкий суд имеет исключительные полномочия по рассмотрению спора по существу, однако к данным случаям следует отнести споры с иностранным элементом в отношении недвижи-

мого имущества, находящегося в Турецкой Республике (Гражданский процессуальный Кодекс Турецкой Республики, Закон № 6100 от 31 января 2001 (ГПК), ст. 12).

Если иностранный суд вынесет решение, связанное с вопросами недвижимого имущества, находящегося в Турции, такое решение не может быть исполнено, так как только турецкие суды обладают соответствующей юрисдикцией. Более того, даже если иностранное судебное решение частично затрагивает вопрос о судьбе недвижимого имущества, находящегося на территории Турции, в этой части иностранное решение не может быть признано. Так, к примеру, иностранное решение о разводе, в котором одновременно содержалось указание о судьбе недвижимости бывших супругов, не было признано и исполнено именно в части решения судьбы недвижимости, находящейся на территории Турции²⁷.

с) судебное решение не противоречит публичному порядку.

При определенных обстоятельствах иностранное судебное решение не может быть признано в качестве окончательно рассмотренного решения иностранного суда. Речь идет о случаях нарушения публичного порядка.

Интерпретация категории «публичный порядок» турецкими судами может быть оценена в полной мере исходя из доктринального анализа, а также из анализа судебной практики. В данном контексте следует обратить внимание, что **турецкий суд зачастую автоматически связывает некоторые категории права с нарушением публичного порядка.**

Турецкие исследователи сходятся во мнении, что только при наличии нарушений основ общественного сознания, фундаментальных этических принципов или ценностей общества должен ставиться вопрос о нарушении публичного порядка²⁸. Вывод о нарушении публичного порядка не должен базироваться исключительно на том, что иностранное судебное решение основано на понимании закона, отличном от его понимания в стране, где такое решение подлежит исполнению²⁹. Такого же подхода следовало бы ожидать и от

²⁷ HD. 2E. 44, K. 782, 25.01.1996.

²⁸ *Dayınlarlı, K. Milletlerarası Özel Hukukta Kamu Düzeni [Public Policy in Private International Law]. İş Bankası Yayınları (Prof. Dr. Yaşar Karayalçın'a 65. Yaş Armağanı). 1988. S. 657-692;*

Demir Gökyayla, H. Yabancı Mahkeme Kararlarının Tanınması ve Tenfizinde Kamu Düzeni [Public Policy in the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments]. Ankara: Seçkin, 2001;

Gürzumar, A. Türk Devletler Özel Hukuku Açısından Boşanma Davalarında Kamu Düzeninin Etkileri [Impacts of Public Policy on Divorce Cases in Turkish Private International Law] // Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1999. № 1-2. S. 21-54.

²⁹ *Öztekin Gelgel, G. Devletler Özel Hukukunda Velayet, Çocuk Kaçırımları, Evlat Edinmeye İlişkin Problemler [Problems with regard to*

²⁵ HD. 2E. 2010/11237, K. 2011/2718, 16.2.2011.

²⁶ HD. E. 2008/1284, K. 2009/980, T. 30.01.2009.

судебной практики. В частности, факт существования императивной нормы не должен автоматически рассматриваться в качестве нарушающего турецкий публичный порядок, так как каждый конкретный случай должен исследоваться с учетом индивидуальных особенностей.

Тем не менее, следует признать, что Высший кассационный суд иногда «автоматически» ассоциирует некоторые императивные нормы турецкого права с нарушением публичного порядка, не вдаваясь в существо дела, и отказывает в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, противоречащих таким турецким нормам. В подобных случаях турецкие суды не проводят анализа соответствия иностранных решений категории публичного порядка, и не объясняют, каким именно образом турецкий публичный порядок был нарушен.

В качестве примера следует привести решение Высшего кассационного суда, когда процедура, по которой происходило разбирательство в иностранном суде, была признана противоречащей публичному порядку на основании ст. 134 Гражданского кодекса Турции, в результате чего в исполнении решения иностранного суда было отказано. Высший Кассационный суд утверждал, что норма ст. 134 ГК является обязательной и напрямую связана с турецким публичным порядком.

Статья 134 ГК Турции устанавливает срок, в течение которого сторона не может обратиться в суд с повторным требованием о разводе в случае, если в этот срок имел место иной бракоразводный процесс, и требование о разводе не было удовлетворено. Указанный срок составляет три года с момента, когда первое судебное решение (то, которое было вынесено ранее) становится окончательным. Данная норма направлена на то, чтобы супруги имели время на примирение.

В указанном случае иностранный суд основывал свое решение на предыдущем решении турецкого суда. Однако так как турецкий суд рассмотрел дело в отсутствие истца и при отсутствии информации о его уведомлении о процессе, данное решение не может считаться окончательным. Это означает, что иностранный суд действовал в нарушение турецких императивных норм права, основывая свое решение на решении турецкого суда, которое не является окончательным. В исполнении решения иностранного суда было отказано по причине противоречия турецкому публичному порядку. Высший кассационный суд заявил, что «окончателность» решения является предметом, который напрямую связан с пу-

бличным порядком и должен быть принят во внимание судьей по его собственной инициативе³⁰.

В турецкой доктрине, а также в особом мнении одного из судей Высшего кассационного суда высказывается недовольство по поводу использования такого подхода. Подчеркивается, что подход Высшего кассационного суда, который связывает определенные правовые категории с нарушением публичного порядка, напрямую является в корне неправильным. На самом деле далеко не всегда в подобных решениях действительно затрагивается публичный порядок. Подобные решения резко критикуются в турецкой доктрине³¹.

Другой пример связан с порядком усыновления.

Высший кассационный суд зачастую приходит к выводу, что вопросы усыновления приводят к нарушению турецкого публичного порядка. Например, в исполнении решения иностранного суда по вопросам усыновления будет отказано, если разница в возрасте между усыновителем и усыновленным ребенком составляет менее 12 лет, или у пары, которая хочет усыновить ребенка, уже есть дети, так как соответствующие нормы являются императивными согласно турецкому Гражданскому кодексу. Например, в исполнении решения немецкого суда было отказано, поскольку у усыновителя уже было двое детей, и разница в возрасте между усыновителем и усыновленным ребенком составляла всего 12 лет³². Аналогичные решения были приняты и по другим спорам в области усыновления³³.

В турецкой доктрине отмечается, что основным интересом в подобной категории споров является интерес усыновляемого (как слабой стороны отношения)³⁴. Следовательно, вопрос о нарушении публичного порядка должен рассматриваться в непосредственной связи с оценкой интересов усыновляемого ребенка. В указанной ситуации представляется сомнительным, что отказ в исполнении иностранных судебных решений об усыновлении действительно отвечает интересам усыновляемого.

На наш взгляд, отказ от исполнения решения иностранного суда только на основании формального

³⁰ HD 2E. 1997/12692, К. 1997/14130, Т. 24.12.1997.

³¹ *Canyaş Aslı Bayata*. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2012. Vol. 2 № 17. P. 121.

³² HD 2E. 2003/13654, К. 2003/15160, Т. 22.05.2003.

³³ HD 2E. 2004/9169, К. 2004/10282, Т. 1.5.2003; HD 2E. 2003/8317, К. 2003/9830, Т. 30.6.2003; HD 2E. 203/8317, К. 2003/9830, Т. 22.11.2002.

³⁴ *Nomer E. & Şanlı C.* Devletler Hususi Hukuku [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

Custody, Abduction, Adoption in Private International Law]. Istanbul Ticaret Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2005. S. 119-148.

противоречия императивным положениям ГК Турции не является оправданным. Как указывает А. Чаньяш, до тех пор, пока решение иностранного суда является в пользу усыновленного, нет разумных оснований для признания наличия нарушения публичного порядка³⁵.

Тенденция Высшего кассационного суда полагать, что некоторые правовые категории непосредственно связаны с турецким публичным порядком, не являются обоснованными. Факт вмешательства в турецкий публичный порядок необходимо анализировать в контексте каждого конкретного случая; обязательно должен приниматься во внимание правовой интерес сторон, в частности, интерес усыновляемого³⁶. В результате такого «интересо-ориентированного» подхода лицо, которое пытается признать иностранное решение в турецком суде, будет в большей степени гарантировано от необоснованного отказа в признании, и его права будут должным образом защищены. Это позволяет признать подобный подход действительно отвечающим принципам законности и справедливости.

Одной из основных особенностей концепции публичного порядка является то, что она **может меняться с течением времени** даже в рамках одного и того же общества³⁷. Данный факт имеет значение и в процессе оценки решения иностранного суда на стадии его признания и исполнения. Ярким примером подобной «изменчивости» является признание и исполнение решений иностранных судов по вопросам разводов. Эта тенденция проявилась в результате отмены одной из норм, на основе которой турецкие суды приходили к выводу о нарушении публичного порядка.

В соответствии со ст. 38 «е» Закона 1982 г. одним из условий принятия решения об исполнении иностранного судебного решения (помимо ныне существующих четырех) являлось следующее: «*Турецкий гражданин, против которого испрашивается вынесение распоряжения об исполнении, не возражает против исполнения путем ссылки на то, что в иностранном судебном решении, касающемся личного статуса турецких граждан, не было*

применено надлежащее право, устанавливаемое турецкими коллизионными нормами». Бремя доказывания, что иностранный суд должен был применить закон, установленный турецкими коллизионными нормами, было возложено на турецкого ответчика. Если такое возражение не было сделано во время судебного разбирательства в иностранном суде, то оно не может быть сделано в турецком суде на стадии исполнения – в противном случае турецкий суд выполнял бы роль апелляционного суда, а не суда, осуществляющего исключительно процедуру признания иностранного решения.

Устанавливая подобное положение, турецкий законодатель предоставлял супругам «право возражения» против решения иностранного суда, которое было вынесено в их отсутствие³⁸. В такой ситуации в исполнении некоторых решений иностранных судов по делам о разводе было отказано на основании противоречия публичному порядку, так как не был применен закон, предусмотренный турецкими коллизионными нормами.

Так, в Австралии суд по семейным делам г. Сиднея не воспользовался турецкими коллизионными нормами, которые предписывали применение турецкого права, и применил австралийское право при рассмотрении дела о разводе. В признании указанного решения было отказано на основании противоречия турецкому публичному порядку³⁹.

Подобный подход Высшего кассационного суда подвергается критике. Нарушение публичного порядка не может происходить автоматически в ситуации, когда бремя заявления возражений лежит на одной из сторон, потому что именно судья уполномочен проверять наличие нарушения публичного порядка по своей собственной инициативе и усмотрению, а также обосновывать свое решение в случае выявления нарушения публичного порядка⁴⁰.

В другом случае при рассмотрении вопроса о признании и исполнении иностранного решения Высший кассационный суд Турции применил иной подход, указав: несмотря на то, что иностранный суд не применил закон, установленный турецкими коллизионными нормами, ответчик не возражал против исполнения на этом основании. Таким образом, Высший кассационный суд сделал вывод, что решение иностранного суда может быть исполнено, так как оно не нарушает публичный порядок⁴¹.

³⁵ *Canyaş Asli Bayata*. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. Vol. 2 № 17. P. 122

³⁶ *Nomer E. & Şanlı C.* Devletler Hususi Hukuku [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

³⁷ *Gürzumar A.* Türk Devletler Özel Hukuku Açısından Boşanma Davalarında Kamu Düzeninin Etkileri [Impacts of Public Policy on Divorce Cases in Turkish Private International Law] // Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1999. № 1-2. S. 21-54.

³⁸ *Çelikel A. & Erdem B.* Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

³⁹ HD 2E. 1990/6312, T. 21.0.1990.

⁴⁰ *Nomer E. & Şanlı C.* Devletler Hususi Hukuku [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

⁴¹ HD 2E. 1999/14491, T.07.02.2000.

Так или иначе, в признании не должно быть отказано автоматически, без выявления судом, каким именно образом неприменение турецких коллизионных норм может быть нарушением публичного порядка. Например, в соответствии с иностранным законодательством право возбуждать бракоразводный процесс в случае нарушения супружеской верности предоставляется только мужу, и иностранное судебное решение основано на данном положении. В исполнении такого решения в Турции может быть отказано на основании противоречия публичному порядку, так как приведение в исполнение подобных судебных решений нарушает принцип гендерного равенства, который является одним из основных принципов турецкого права⁴².

В любом случае в настоящее время аналога п. «е» ст. 38 Закона 1982 г. в Кодексе 2007 г. нет, данный пункт был исключен из перечня условий признания иностранного решения. Нельзя недооценивать важность этой поправки. Высший кассационный суд до принятия Кодекса 2007 г. отказывал в исполнении некоторых решений иностранных судов на том основании, что иностранный суд не применил турецкие коллизионные нормы, и, соответственно, такие решения противоречили турецкому публичному порядку⁴³. Согласно установлениям Кодекса 2007 г. на сегодняшний момент указанное основание для отказа в признании решений иностранных судов утратило свою актуальность, что еще раз доказывает неопределенность категории публичного порядка. Как отмечают турецкие исследователи Б. Эрдем и А. Челикель, турецкий законодатель больше не считает необходимым использовать данный механизм защиты ответчиков – турецких граждан, предусматривая подобное положение⁴⁴.

Другим примером изменения концепции публичного порядка можно считать случаи взаимного соглашения супругов о разводе. Отмененный Турецкий гражданский кодекс 1926 г., принятый Законом № 743. От 17 февраля 1926,⁴⁵ не предусматривал возможности для супругов на развод по взаимному согласию. В связи с этим практика Высшего кассационного суда по вопро-

сам исполнения решений иностранных судов о разводе на основании взаимного согласия является противоречивой. В признании некоторых решений было отказано на основании противоречия публичному порядку, так как возможность развода по взаимному согласию не предусмотрена турецким законодательством⁴⁶. Однако некоторые решения иностранных судов были признаны и приведены в исполнение⁴⁷. В соответствии с Законом № 3444 от 12 мая 1988⁴⁸, вносившим изменения в некоторые положения Гражданского кодекса 1926 г и ст. 166/3 Гражданского кодекса, действующего в настоящее время, принятого Законом №. 4721 от 22 октября 2001,⁴⁹ супругам предоставляется право на развод по взаимному согласию. Таким образом, правовые основы для отказа в признании решений иностранных судов по указанному вопросу по причине их противоречия публичному порядку в настоящее время отсутствуют.

Изменчивость и динамические особенности концепции «публичный порядок» еще раз подчеркивают, что данное основание для отказа в признании иностранных судебных решений должно применяться в исключительных случаях. Как показывают приведенные примеры, понимание категории «публичный порядок» может изменяться с течением времени, следовательно, требуется очень осторожный подход при применении этой категории.

Для того, чтобы определить, вступает ли иностранное судебное решение в противоречие с публичным порядком Турецкой Республики, турецкий судья может сделать ограниченный анализ по существу дела. Как отмечается в турецкой доктрине, судья проводит такой анализ в качестве исключения общего запрета на пересмотр дела по существу⁵⁰. Интересно отметить решение Высшего кассационного суда, где было установлено следующее: суд г. Зондерберг (Дания) поручил опеку над тремя детьми их отцу, таким образом, прекращая их опеку со стороны матери. Признание данного решения было истребовано у турецкого суда на основании Европейской конвенции о признании и исполнении ре-

⁴² *Canyaş Asli Bayata*. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 2 № 17; September 2012. P. 124.

⁴³ *Çelikel A. & Erdem B.* Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

⁴⁴ *Çelikel A. & Erdem B.* Указ. соч.

⁴⁵ O.G. № 339. 04.04.1926.

⁴⁶ HD 2E. 15.05.1982: *Çelikel A. & Erdem B.* Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010. S. 607.

⁴⁷ HD 2E. 25.6.1986, E. 3520 K. 5471; *Çelikel A. & Erdem B.* Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010. S. 607.

⁴⁸ O.G. № 19812. 12.05.1988.

⁴⁹ O.G. № 24607. 08.12.2001

⁵⁰ *Demir Gökyayla, H.* Yabancı Mahkeme Kararlarının Tanınması ve Tenfizinde Kamu Düzeni [Public Policy in the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments]. Ankara: Seçkin. 2001.

шений в области опеки над детьми и восстановления опеки над детьми 1980 г.⁵¹ В соответствии со ст. 9/3 этой Конвенции, решения иностранных судов не могут быть пересмотрены по существу. Как указал турецкий суд, это означает, что судья не может анализировать процедурные и правовые определения иностранных судов по существу. Однако тот факт, что иностранный суд не счел обязательными императивные положения турецкого закона или применил их неточным образом, не является достаточным основанием для отказа в исполнении⁵².

Турецкие исследователи сходятся во мнении, что противоречие самого решения иностранного суда императивным положениям турецкого законодательства не является препятствием для исполнения такого решения и необязательно приводит к нарушению турецкого публичного порядка⁵³. Подход Высшего кассационного суда к решению подобных вопросов должен обеспечивать уважение к другим правовым системам, которые предусматривают иные положения, нежели положения закона страны суда.

В качестве примера приведем следующее решение Высшего кассационного суда: Гражданский кодекс Турции 1926 г., действовавший на момент принятия решения иностранного суда, не предоставлял несовершеннолетним право подачи иска об эмансипации. Тем не менее, решением иностранного суда несовершеннолетний был признан эмансипированным. Высший кассационный суд заключил, что решение иностранного суда противоречит императивным положениям турецкого законодательства, но не противоречит турецкому публичному порядку и может быть приведено в исполнение⁵⁴.

Аналогично немецкий суд г. Кельна вынес решение о разводе, а также разрешил вопрос распределения судебных расходов и общей собственности супругов, но не представил правового обоснования своего решения. Турецкое же процессуальное право закрепляет обязанность суда представлять правовое обоснование своих решений (ст. 17-18 ГПК, ст. 141 Конституции Турецкой Республики

1982 г.). При рассмотрении возможности исполнения немецкого судебного решения турецкий суд пришел к выводу, что хотя такое решение и противоречит императивным положениям турецкого законодательства, его применение не нарушает турецкий публичный порядок⁵⁵.

Если иностранное судебное решение было вынесено в отсутствие лица, в отношении которого оно подлежит исполнению, это лицо может возражать против исполнения решения в турецком суде. Возражение заинтересованной стороны требуется в обязательном порядке, так как турецкий судья не может действовать по своей собственной инициативе и, скорее всего, не сможет определить, было ли нарушено право на защиту этой стороны.

Однако если нарушение права на защиту этой стороны является нарушением турецкого публичного порядка, судья должен по собственной инициативе установить, было ли нарушено право стороны на защиту. Например, нарушение публичного порядка может иметь место, если нарушено право на защиту в рамках «права на справедливое судебное разбирательство», предусмотренного ст. 6/3 Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., участником которой является Турецкая Республика⁵⁶.

Поэтому, несмотря на правильность процедур, которые были реализованы в рамках иностранной правовой системы, если право на защиту стороны, против которой требуется исполнение, было нарушено, это может быть квалифицировано как нарушение публичного порядка.

Рассмотрим следующий пример из практики: домицилом ответчицы является Турция. Тем не менее, ее муж – истец подал иск о бракоразводном процессе в Бельгии. В своем ходатайстве муж указал адрес женщины в Бельгии, и в результате бельгийский суд вынес решение в отсутствие ответчицы. Истец потребовал исполнения судебного решения бельгийского суда в Турецкой Республике. Высший кассационный суд заключил, что право на защиту ответчицы было нарушено, а это противоречит турецкому публичному порядку. Кроме того, в соответствии с мотивировкой Высшего кассационного суда, решение бельгийского суда нарушило один из основных принципов турецкого права – принцип добросовестности (ст. 2 Гражданского кодекса Турецкой Республики) – поскольку истец подал иск в Бельгии, зная, что местом жительства его жены является Турция. Таким образом, он получил развод путем

⁵¹ ETS № 105, Люксембург 20.05.1980 // O.G. № 23864. 02.11.1999.

⁵² HD 2E. 2004/10683, К. 2004/13120, 4.11.2004.

⁵³ Çelikel A. & Erdem B. Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.; Gülin G. The Principle of Proximity in Contractual Obligations: The New Turkish Law on Private International Law and International Civil Procedure // Ankara Law Review. 2008. № 5. P. 1-21.; Gürzumar A. Türk Devletler Özel Hukuku Açısından Boşanma Davalarında Kamu Düzeninin Etkileri [Impacts of Public Policy on Divorce Cases in Turkish Private International Law] // Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1999. № 1-2. S. 21-54.

⁵⁴ HD 2E. 2009/6063, К. 2009/8609, Т. 4.5.2009.

⁵⁵ HD 2E. 2006/2612, К. 2006/9147, Т. 8.6.2006.

⁵⁶ Nomer E. & Şanlı C. Devletler Hususi Hukuku [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

мошенничества. В результате турецкий суд отказал в исполнении бельгийского судебного решения⁵⁷.

Заметим, что в странах, где применяется исламское право, развод может иметь место в результате одностороннего волеизъявления мужа. Такой развод именуется «талак» (односторонний развод)⁵⁸. Что же произойдет, если исполнение такого развода будет истребовано перед турецким судом?

В одном случае решение иностранного суда об одностороннем разводе было вынесено без возможности жены высказать свое мнение. Высший кассационный суд отказал в исполнении такого решения по мотивам противоречия публичному порядку, указав, что в случае, если решение о разводе вынесено без учета мнения обеих сторон, то публичный порядок нарушен, так как нарушен принцип гендерного равенства. В рамках фундаментальных принципов турецкого права следует отметить право на справедливое судебное разбирательство (Конституция Турецкой Республики 1982 г., ст. 36), таким образом, женщина должна иметь возможность высказать свое мнение в связи с разводом. Если женщине при разводе «талак» было предоставлено право высказать свое мнение, чтобы защитить свои интересы, такое решение не противоречит публичному порядку⁵⁹.

В частности, решение об одностороннем разводе, принятое судом г. Джидда (Саудовская Аравия), где жена имела турецкое гражданство, а муж был гражданином Саудовской Аравии, было признано в Турецкой Республике, так как женщина одобрила развод⁶⁰. Следовательно, обе стороны спора высказали свое мнение, и данное решение не противоречило турецкому публичному порядку.

Турецкая доктрина выработала следующий принцип определения необходимости обращения к категории публичный порядок: «Чем теснее связь между данным конкретным случаем и интересами Турецкой Республики, тем выше вероятность нарушения публич-

ного порядка»⁶¹. Таким образом, можно сделать вывод, что Высший кассационный суд должен оценивать каждый случай в индивидуальном порядке, чтобы выявить – имеет ли место нарушение публичного порядка. Подход, согласно которому определенные правовые категории автоматически принимаются как нарушающие публичный порядок, является в корне неверным.

д) несмотря на то, что лицо, в отношении которого требуется принудительное исполнение решения, в нарушение законов места его вынесения не было надлежащим образом вызвано в суд либо не было надлежащим образом представлено в этом суде или вследствие его неявки было принято заочное решение; а также если судебное решение в отсутствие такого лица было принято в нарушение законов места вынесения решения, и это лицо не заявило возражений по этим основаниям в турецком суде в отношении принудительного исполнения решения.

Норма пп. «д» п. 1 ст. 54 является практически уникальной. Общеизвестное требование к признанию и исполнению иностранных судебных решений – их соответствие праву места вынесения и надлежащее извещение ответчика о времени и месте судебного разбирательства. Турецкий законодатель таких требований не предъявляет; отказ от признания и исполнения возможен, если только заинтересованное лицо само заявляет возражения по этим основаниям в турецком суде.

Данную норму нельзя оценить однозначно: с одной стороны отсутствие условия о соответствии праву места вынесения и надлежащем извещении ответчика о времени и месте судебного разбирательства в качестве требования к признанию и исполнению иностранных судебных решений может привести к ущемлению прав неизвещенного участника процесса. С другой стороны, предоставление заинтересованному лицу право заявлять возражения по указанному основанию нивелирует данную проблему.

В любом случае, противоположная сторона должна быть уведомлена о рассмотрении ходатайства о принудительном исполнении судебного решения в

⁵⁷ *Nomer E. & Şanlı C. Devletler Hususi Hukuku* [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

⁵⁸ *Çelikel A. & Erdem B. Milletlerarası Özel Hukuk* [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010; *Nomer E. & Şanlı C. Devletler Hususi Hukuku* [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.

⁵⁹ *Ruhi A.C. & Kaplan Y. Yabancı Mahkeme ve Hakem Kararlarının Tenfiz Açısından Kamu Düzeni (Ordre Public)* [Public Policy from the Aspect of Enforcement of Foreign Judgments and Arbitral Awards]. *Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni*. 2002. S. 643-663.

⁶⁰ *Kadıkoy 2. Aile Mahkemesi*, 07.02.1991, E. 1990/853, K. 1991/941; *Nomer E. Talak ve Türk Kamu Düzeni* [Unilateral Divorce and Turkish Public Policy] // *Istanbul Barosu Dergisi*. 1991. № 7-8-9. S. 501.

⁶¹ *Bayata Canyaş A. AB ve Türk Hukuku Uyarınca Sözleşmeye Uygulanacak Hukuka İlişkin Genel Kural* [The General Provisions Applicable to Contractual Obligations under Turkish Law and EU Law]. Ankara: Adalet, 2012. *Doğan V. Milletlerarası Özel Hukuk* [Private International Law]. Ankara: Seçkin, 2010. *Tiryakioğlu B. Yabancı Boşanma Kararlarının Türkiye’de Tanınması ve Tenfizi* [Recognition and Enforcement of Foreign Divorce Judgments in Turkey]. Ankara: Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi, 1996 // www.kazanci.com (Kazancı Databank of Turkish Case Law, dates of accession have been indicated next to the judgments in the paper).

турецком суде, а также о дате слушания дела. Данное правило распространяется на признание и принудительное исполнение мировых соглашений (за исключением односторонних мировых соглашений). Противоположная сторона может заявить возражение только в том случае, если были выполнены условия принудительного исполнения, или решение иностранного суда уже было частично или полностью исполнено, или если произошли события, препятствующие его исполнению (ст. 55).

Таким образом, Кодекс 2007 г. предусматривает ограниченный и исчерпывающий перечень условий для отказа в признании иностранных судебных решений. Интересно отметить, что среди них отсутствует такое условие, как несовместимость решения с решением, вынесенным ранее по делу с теми же сторонами, с тем же предметом и по тому же основанию в государстве, к которому обращено требование (как это предусматривает, к примеру, ст. 34 Регламента Брюссель I). Данное упущение турецкого законодателя является весьма досадным, так как может привести к злоупотреблению правом сторонами процесса.

Рассмотрение требования о принудительном исполнении и вынесение соответствующего решения регулируется общими нормами процессуального права Турции (п. 1 ст. 55 Кодекса 2007 г.). В данном положении турецкий законодатель закрепил применение *lex fori* в качестве процессуального императива. Суд может решить, что решение подлежит исполнению полностью или частично, либо что требование не подлежит удовлетворению. Это письменно указывается в конце решения иностранного суда, скрепляется печатью и подписывается судьей (ст. 56 Кодекса 2007 г.).

Обжалование решений, вынесенных в отношении признания и требования о принудительном исполнении или отказе в исполнении, производится в соответствии с общими правилами, в частности, подобное обжалование приостанавливает исполнение решения (п. 2 ст. 57 Кодекса 2007 г.).

Иностранное судебное решение, в отношении которого было вынесено решение о принудительном исполнении, подлежит исполнению как решение, вынесенное турецкими судами (п. 1 ст. 57 Кодекса 2007 г.), т.е. иностранное решение приобретает свойства национального судебного решения. Турецкий законодатель устанавливает, что иностранное судебное решение вступает в силу с момента, когда оно становится окончательным (ст. 59 Кодекса 2007 г.).

Часть вторая Кодекса 2007 г. «Нормы международного гражданского процесса» производит двойственное впечатление.

В одной стороны, турецкий законодатель в целом на должном уровне регулирует процедуру признания и исполнения иностранных судебных решений. С другой стороны, основные подходы ничуть не изменились по сравнению с Законом 1982 г. Однако анализ норм Кодекса 2007 г. позволяет утверждать, что современные представления и подходы по вопросу признания и исполнения иностранных судебных решений нашли свое отражение в МЧП Турецкой Республики.

Серьезным недостатком Кодекса 2007 г. можно считать полное отсутствие норм о конкурирующей юрисдикции, т.е. о ситуации, когда производство по одному и тому же делу между теми же сторонами возбуждено в судах двух и более государств. Законодательное решение этой проблемы всегда направлено на сокращение числа противоречивых судебных решений путем предотвращения ситуаций, когда суды двух и более государств могут принять к рассмотрению дело по одному и тому же вопросу, и в связи с этим представляется весьма полезным.

К примеру, в ч. 2 ст. 27 Регламента Брюссель I содержится положение, согласно которому в случаях, когда юрисдикция суда, первым принявшего дело к производству, установлена, любой другой суд отклоняет свою юрисдикцию в пользу первого, таким образом, риск параллельных разбирательств при участии одних и тех же сторон в более чем одном государстве (*lis pendens*) устранен.

Кодекс 2007 г. также не дает правоприменителю ориентиров для определения категории «публичный порядок», что на практике приводит к признанию некоторых иностранных судебных решений противоречащими турецкому публичному порядку по формальным основаниям.

В Кодексе 2007 г. также полностью отсутствуют нормы об исполнении иностранных судебных поручений и оказании правовой помощи. Оказание правовой помощи – один из важнейших институтов МГП и подлежит детальному и подробному регулированию. В других странах такие нормы разработаны и включены в национальные кодификации МЧП/МГП (например, ст. 60 Кодекса МЧП Болгарии 2005 г., ст. 62 Закона Грузии о МЧП 1998 г.) Представляется, что турецкий законодатель, пойдя по пути преемственности и «лаконичной» кодификации, в итоге выработал регулирова-

ние, не вполне отвечающее современным тенденциям регламентации вопросов МГП.

Основными пороками турецкой кодификации МЧП следует признать неопределенность формулировок, постоянная необходимость применения аналогии права и закона, практическая сложность в применении норм Кодекса 2007 г. без соответствующего толкования и разъяснений Высшего кассационного суда.

Безусловно, в настоящее время ввиду развития международных связей и торгового оборота турецкие суды все чаще сталкиваются с необходимостью признавать и приводить в исполнение иностранные судебные решения, формируя соответствующую судебную практику. Однако проведенный анализ показывает ее непоследовательность. Причиной данного явления служит, по всей видимости, недостаток опыта турецких судов и отсутствие четких ориентиров, руководящих указаний со стороны вышестоящих судебных инстанций. Обобщение существующей на сегодняшний день судебной практики Высшим кассационным судом с указанием его правовой позиции и анализом применения иностранного права турецкими судами позволило бы унифицировать последующую судебную практику и снизить риски судебных ошибок.

В настоящий момент перед турецкими судами стоит задача неукоснительно придерживаться законодательно закрепленных стандартов в процессе правоприменения, чтобы реализовать основные цели проведенной в стране кодификации МЧП – повышение инвестиционной привлекательности и статуса страны в целом.

Библиография:

1. Ansay T. Wallace D. Introduction to Turkish law. 6th Edition. Kluwer Law International, 2011.
2. Bayata Canyaş A. AB ve Türk Hukuku Uyarınca Sözleşmeye Uygulanacak Hukuka İlişkin Genel Kural [The General Provisions Applicable to Contractual Obligations under Turkish Law and EU Law]. Ankara: Adalet, 2012.
3. Canyaş Asli Bayata. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. Vol. 2. № 17.
4. Çelikel A. & Erdem B. Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.
5. Dayınlarlı, K. Milletlerarası Özel Hukukta Kamu Düzeni [Public Policy in Private International Law]. İş Bankası Yayınları (Prof. Dr. Yaşar Karayalçın'a 65. Yaş Armağanı). 1988.
6. Demir Gökyayla, H. Yabancı Mahkeme Kararlarının Tanınması ve Tenfizinde Kamu Düzeni [Public Policy in the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments]. Ankara: Seçkin, 2001.
7. Doğan V. Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Ankara: Seçkin, 2010.
8. Gülin G. The Principle of Proximity in Contractual Obligations: The New Turkish Law on Private International Law and International Civil Procedure // Ankara Law Review. 2008. № 5.
9. Gürzumar, A. Türk Devletler Özel Hukuku Açısından Boşanma Davalarında Kamu Düzeninin Etkileri [Impacts of Public Policy on Divorce Cases in Turkish Private International Law] // Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1999. № 1-2.
10. Nomer E. & Şanlı C. Devletler Hususi Hukuku [Private International Law]. Istanbul: Beta. 2010.
11. Nomer E. Rızai Boşanma ve Kamu Düzeni [Divorce by Mutual Agreement and Public Policy]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1984.
12. Öztekin Gelgel, G. Devletler Özel Hukukunda Velayet, Çocuk Kaçırılmaları, Evlat Edinmeye İlişkin Problemler [Problems with regard to Custody, Abduction, Adoption in Private International Law]. Istanbul Ticaret Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2005.
13. Ruhi A.C. & Kaplan Y. Yabancı Mahkeme ve Hakem Kararlarının Tenfizi Açısından Kamu Düzeni (Ordre Public) [Public Policy from the Aspect of Enforcement of Foreign Judgments and Arbitral Awards]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 2002.
14. Şanlı C. Türk Hukukunda Çocukların Velayetine ve Korunmasına İlişkin Yabancı Mahkeme Kararlarının Tanınması ve Tenfizi [Recognition and Enforcement of Foreign Child Custody and Protection Judgments under Turkish Law]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1996.
15. Tekinalp Guloren, Nomer Ergin, Boztosun Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International, 2012.
16. Tiryakioğlu B. Yabancı Boşanma Kararlarının Türkiye'de Tanınması ve Tenfizi [Recognition and Enforcement of Foreign Divorce Judgments in Turkey]. Ankara: Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi, 1996 // www.kazanci.com.

17. Гетьман-Павлова И.В., Крутий Е.А. Автономные национальные кодификации международного частного права в XXI веке // Адвокат. 2010. № 4.
18. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учебник. М., 2011.
19. Зыкин И.С. Развитие международного частного права в свете принятия части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2002. № 12.
20. Нешатаева Т.Н. Международные коммерческие сделки: правовое регулирование и судебная практика // Арбитражная практика. 2002. № 5 // СПС Консультант Плюс.
9. Gürzumar, A. Türk Devletler Özel Hukuku Açısından Boşanma Davalarında Kamu Düzeninin Etkileri [Impacts of Public Policy on Divorce Cases in Turkish Private International Law] // Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1999. № 1-2.
10. Nomer E. & Şanlı C. Devletler Hususi Hukuku [Private International Law]. Istanbul: Beta. 2010.
11. Nomer E. Rızai Boşanma ve Kamu Düzeni [Divorce by Mutual Agreement and Public Policy]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1984.
12. Öztekin Gelgel, G. Devletler Özel Hukukunda Velayet, Çocuk Kaçırımları, Evlat Edinmeye İlişkin Problemler [Problems with regard to Custody, Abduction, Adoption in Private International Law]. Istanbul Ticaret Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2005.
13. Ruhi A.C. & Kaplan Y. Yabancı Mahkeme ve Hakem Kararlarının Tenfizi Açısından Kamu Düzeni (Ordre Public) [Public Policy from the Aspect of Enforcement of Foreign Judgments and Arbitral Awards]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 2002.
14. Şanlı C. Türk Hukukunda Çocukların Velayetine ve Korunmasına İlişkin Yabancı Mahkeme Kararlarının Tanınması ve Tenfizi [Recognition and Enforcement of Foreign Child Custody and Protection Judgments under Turkish Law]. Milletlerarası Özel Hukuk Bülteni. 1996.
15. Tekinalp Guloren, Nomer Ergin, Boztosun Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International, 2012.
16. Tiryakioğlu B. Yabancı Boşanma Kararlarının Türkiye’de Tanınması ve Tenfizi [Recognition and Enforcement of Foreign Divorce Judgments in Turkey]. Ankara: Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi, 1996 // www.kazanci.com.
17. Get’man-Pavlova I.V., Krutii E.A. Avtonomnye natsional’nye kodifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava v XXI veke // Advokat. 2010. № 4.
18. Erpyleva N.Yu. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. M., 2011.
19. Zykin I.S. Razvitie mezhdunarodnogo chastnogo prava v svete prinyatiya chasti tret’ei Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 12.
20. Neshataeva T.N. Mezhdunarodnye kommercheskie sdelki: pravovoe regulirovanie i sudеbnaya praktika // Arbitrazhnaya praktika. 2002. № 5 // SPS Konsul’tant Plyus.

References (transliteration):

1. Ansay T. Wallace D. Introduction to Turkish law. 6th Edition. Kluwer Law International, 2011.
2. Bayata Canyaş A. AB ve Türk Hukuku Uyarınca Sözleşmeye Uygulanacak Hukuka İlişkin Genel Kural [The General Provisions Applicable to Contractual Obligations under Turkish Law and EU Law]. Ankara: Adalet, 2012.
3. Canyaş Asli Bayata. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. Vol. 2. № 17.
4. Çelikel A. & Erdem B. Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Istanbul: Beta, 2010.
5. Dayınlarlı, K. Milletlerarası Özel Hukukta Kamu Düzeni [Public Policy in Private International Law]. İş Bankası Yayınları (Prof. Dr. Yaşar Karayalçın’a 65. Yaş Armağanı). 1988.
6. Demir Gökyayla, H. Yabancı Mahkeme Kararlarının Tanınması ve Tenfizinde Kamu Düzeni [Public Policy in the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments]. Ankara: Seçkin, 2001.
7. Doğan V. Milletlerarası Özel Hukuk [Private International Law]. Ankara: Seçkin, 2010.
8. Gülin G. The Principle of Proximity in Contractual Obligations: The New Turkish Law on Private International Law and International Civil Procedure // Ankara Law Review. 2008. № 5.